

И. А. Виноградов

Славянофильство
русское, польское
и украинское:
Н. В. Гоголь,
А. Мицкевич
и О. М. Бодянский



А. И. Герцен после прочтения парижских лекций А. Мицкевича в 1844 г. записал в дневнике: «Мицкевич – славянофил, вроде Хомякова и С° <компании>, со всею той разницей, которую ему дает то, что он поляк, а не москаль...»¹ Друг Гоголя славянофил Ф. В. Чижов сообщал тогда же из Парижа: «...Мицкевич горит огнем славянолюбия <...> Это славянин душою и телом, но все-таки славянин западный <...> Когда я приехал, лекции его уже кончались, я присутствовал только на одной последней, где он и показался чрезвычайно странным и которую он кончил раздачею Наполеона в апотеозе»².

«Пророчества» Мицкевича о «мессии»-Наполеоне вскоре достигли и Гоголя. А. О. Смирнова 29 марта (н. ст.) 1844 г. сообщала ему из Парижа: «Говорят, что Мицкевич почти с ума сошел и не окончил курса; я это узнала от поляков. Товянского отсюда выслали»³ (Анджей Товянский был главным, среди польских эмигрантов, идеологом «мессианизма» Наполеона и Польши). 26 февраля (н. ст.) 1845 г. проживавший в Париже А. И. Тургенев, в свою очередь, записал в дневнике: «У меня были Гоголь, гр<аф> <А. П.> Толстой⁴ <...> и Циркур⁵. Он объяснил нам мессианизм так, что Гог<оль> и Тол<стой> не поехали к Мицкев<ичу> расспрашивать его о нем»⁶.

Известно, что идея общности славян являлась в XIX в. одной из составляющих польской (и французской) пропаганды среди малороссов⁷. Неудивительно, что в России сепаратистские идеи западного славянофильства встречали активное противодействие. Наиболее показательным в этом отношении исследование в 1847 г. сепаратистской деятельности Украина-Славянского общества (организаторы называли свой кружок Обществом Свя-

тых Кирилла и Мефодия). Изучение славянства к тому времени приобрело в России весьма широкий характер. Начало этому положил сам министр народного просвещения С. С. Уваров. В 1835 г. он выступил с инициативой создания в российских университетах славянских кафедр. В 1847 г., в связи с делом «кирилло-мефодиевцев», Уваров должен был разъяснять официальную точку зрения на славянофильство. В своем циркуляре на имя попечителя Московского округа он указывал, что в деле отечественного образования начало народности важнее идеи славянского единства. По словам Уварова, основой российского славянофильства должно быть «наше государственное начало <...> собственно Русское начало»⁸. Повторяя Н. М. Карамзина⁹, Уваров замечал, что из всех славян одна только Россия «выдержала удары судеб и приобрела *самобытность*», что «всё, что имеем мы на Руси, принадлежит нам одним, без участия других Славянских народов, ныне простирающих к нам руки и молящих о покровительстве»¹⁰.

В циркуляре, адресованном попечителю Киевского округа, Уваров добавлял: «...Под личиною Славянства может скрывается мятежный дух польский, готовый уловить умы неопытного юношества»¹¹. Для такого вывода оснований у Уварова было достаточно. С давних пор естественное стремление славян к единению польские националистические круги использовали в целях отторжения от России Южной Руси. В этом направлении действовала, к примеру, в конце 1810 – начале 1820-х годов киевская масонская ложа «Соединенных Славян», главой которой был близкий к декабристам В. Л. Лукашевич, получивший в 1821 г. степень тамплиера (храмовника) от члена варшавской ложи Изиды, польского капитана Ф. Маевского¹². В ту же пропольскую ложу «Соединенных Славян» входили знакомые Лукашевича, двое преподавателей нежинской Гимназии высших наук, где учился Гоголь. Это профессора Казимир Шапалинский – воспитанник Виленского университета (закрытого после польского восстания), и уроженец Шампани Иван (или Жан) Ландражен – «бывший простой солдат Наполеонова войска»¹³. Оба они в 1830 г. были осуждены по известному нежинскому «делу о вольнодумстве».

Позднее с представителями западного, прежде всего польского «славянофильства» Гоголь имел случаи сталкиваться еще не раз. Создателю «Тараса Бульбы» (1835) необходимо было не по слухам убедиться, насколько противоречащей интересам России являлась любовь к славянству польского толка. Зимой 1836/37 г. в Париже он встретился с самим Мицкевичем, а также с его земляком Богданом Залесским (еще одним представителем польской эмиграции). Спустя год, в Риме он свел знакомство с друзьями Мицкевича и Залесского – Иеронимом Кайсевичем и Петром Семененко (тоже бывшими повстанцами). Итогом этого общения была напрасная попытка Гоголя сделать предметом обсуждения с двумя будущими ксендзами своего «Тараса Бульбу» (для этого Гоголь вручил им сборник «Миргород»¹⁴).

Кайсевич и Семененко так и не познакомились с гоголевской повестью (они прочли только «Старосветских помещиков»), хотя определенно рассчитывали на «обращение» Гоголя. В своих письмах-отчетах к их патрону

Богдану Яньскому они торопились сообщить об «успехах» в этом деле, но, увы, просчитались. Гоголь, уяснив нужное для себя¹⁵, вскоре с ними навсегда расстался. Тем не менее, неудачная интрига по «обращению» Гоголя надолго запомнилась ее участникам и, спустя много лет, вылилась в попытку хотя бы очернить писателя.

В конце 1850-х годов Богдан Залесский сблизился с Франциском Духинским, создателем пресловутой теории о «туранстве» русских. По этой русофобской теории, великороссов, ничтоже сумняшеся, исключали из числа славянских народов, что служило оправданием распространения Польши на якобы «родственные» только ей украинские и белорусские земли. Разделяя эту теорию, Залесский в письме к Духинскому сообщал, будто бы Гоголь во время пребывания в Париже в 1836 г. высказывал, вместе с Мицкевичем, «отвращение» к «москалям»¹⁶ и «со всею своею малорусской запальчивостью» «подтверждал» «финское их происхождение». Залесский заявлял, что Гоголь, пользуясь «сборниками народных песен на разных славянских наречиях», будто бы написал тогда статью, где указывал на «отличия в духе <...> и в нравственных взглядах у великороссов и у других славянских народов». «Для характеристики каждого человеческого чувства, – утверждал Залесский, – он [Гоголь] подобрал особую песню: с одной стороны, нашу славянскую – сладостную, нежную, и рядом великорусскую – угрюмую, дикую, нередко каннибальскую, словом, – чисто финскую. Уважаемый земляк, ты легко можешь себе представить, как эта статья искренно обрадовала Мицкевича и меня. Много лет спустя, в Риме я думал раздобыть у Гоголя эту параллель, но тогда Гоголь уже превратился в защитника Царя и Православия, и мне пришлось отказаться от этой попытки»¹⁷.

Тщетная попытка привлечь для подтверждения «туранской» теории якобы высказанные Гоголем в 1836 г. отрицательные суждения о великороссах весьма показательна для польской партии. Факты творческой биографии Гоголя вполне опровергают мнимое «свидетельство» Залесского. Известно, что Гоголь, поступив, благодаря Уварову, на кафедру истории Петербургского университета, в конце 1835 г. собирался написать исследование «о духе и характере народной поэзии <...> сербов, словенов, черногорцев, галичан, малороссиян, великороссиян и прочих»¹⁸. В этом начинании Гоголь, несомненно, следовал инициативе Уварова по созданию в русских университетах славянских кафедр. Своего намерения Гоголь, однако, не выполнил. В его бумагах сохранились сборники народных песен лишь на русском и украинском языках¹⁹. «За Гоголя» такую работу вскоре осуществил его земляк Осип Бодянский, написав магистерское сочинение «О народной поэзии Славянских племен» (М., 1837). Этим сочинением Бодянский, в свою очередь, готовил себя для занятия славянской кафедры в Московском университете (своей карьерой слависта Бодянский был прямо обязан «славянским» инициативам Уварова). В почти буквальном соответствии с невоплощенным гоголевским замыслом, Бодянский в своем труде рассматривал фольклорные произведения тех же славянских народов, что и Гоголь. Хотя эта небольшая работа Бодянского носила весьма

поверхностный характер, тем не менее, она явилась первым в России исследованием фольклора славянских народов²⁰, – и, вероятно, именно это сочинение Бодянского Залесский и приписал ошибочно Гоголю.

Если признавать за словами Залесского хоть какую-то фактическую основу, то, скорее всего, Гоголь зачитывал польскому «украинофилу» фрагменты своих статей «О малороссийских песнях» и «Взгляд на составление Малороссии» (из сборника «Арабески»).

В статье «О малороссийских песнях» Гоголь, ссылаясь на Максимовича²¹, упоминал о том, что «русская заунывная музыка выражает <...> забвение жизни <...> но в малороссийских песнях она слилась с жизнью» (VIII, 96). Однако из этих слов сделать вывод о том, что Гоголю великорусская песня представлялась «угрюмой, дикой, нередко каннибальской», можно лишь при очень предвзятом подходе. В 1834 г. – еще до встречи с Залесским – Гоголь в еще одной из статей «Арабесок» замечал, что постичь стихи Пушкина может только тот, «чья душа способна понять неблестящие с виду русские песни» (VIII, 54). А спустя года три после встречи с Залесским, в письме к М. П. Погодину Гоголь указывал, что в русских песнях «есть <...> особенные, оригинально-замечательные черты <...> Будучи употреблены, как источник, как золотые искры рудниковых глыб, обращенные в цветущую песнь <...> поэзии нынешней <...> они поразят и зашевелят сильно» (XI, 223).

В 1811 г. Карамзин в своей записке «О древней и новой России...» писал, что после татаро-монгольского нашествия северорусские города – Владимир, Суздаль, Тверь – хотя и назывались «Улусами Ханскими», – «хранили, по крайней мере, свои нравы», – в то время как жители южно-русских городов, попавших под власть Литвы, – Киева, Чернигова и др., «заимствовали и самые обычаи чуждые»²². По-видимому, для Гоголя эти слова Карамзина о его земляках показались обидными – и в статье «Взгляд на составление Малороссии» он решил на них возразить. В своей статье он назвал Южную Русь «настоящей отчиной славян, землей <...> чистых славянских племен, которые в Великой России начинали уже смешиваться с народами финскими» (VIII, 43). Возможно, эти полемические строки и имел в виду Богдан Залесский, когда пытался подверстать взгляды Гоголя под «туранскую» теорию. Но для того вопрос о единстве Русской земли был куда важнее самолюбивой полемики о местном достоинстве. Такая полемика способна была, по убеждению Гоголя, лишь породить бесконечные ссоры. В 1846 г. он писал: «Уже ссоры и брани начались не за какие-нибудь существенные права <...> уже враждуют <...> из несходства мнений...» (VIII, 414). Уже по одному этому Гоголь склонялся к более объективной точке зрения. О преодолении братских раздоров он размышлял тогда не только в «Страшной мести» (1832), но и в самой статье «Взгляд на составление Малороссии». Здесь Гоголь, ответив на выпад Карамзина, говорит в то же время о множестве враждующих между собой «мелких государств» – «единоверных, одноплеменных, одноязычных», – раздиравших Русскую землю в XIII в. (VIII, 40). Это категорическое неприятие Гоголем удельных ссор нашло прямое отражение и в повестях его сборника «Миргород» – «Тарас

Бульба» и «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»²³. Позднее Смирнова спрашивала Гоголя: «Спуститесь в глубину души вашей и спросите, точно ли вы русский, или хохлик?»²⁴ Гоголь, как известно, ответил: «Я <...> соединил в себе две природы: хохлика и русского <...> Обе природы <...> щедро одарены Богом, и <...> каждая из них <...> заключает в себе то, чего нет в другой – явный знак, что они должны пополнить одна другую» (XII, 360, 419).

Близким к «туранской» теории оказался не он, радевший о единстве Русской земли²⁵, а его земляк Бодянский, крайне увлеченный «украинофильством». В этом отношении, несмотря на некоторое сходство взглядов Гоголя и Бодянского по славянскому вопросу, последний как историк является собой пример, едва ли не противоположный Гоголю.

Сходство интересов Гоголя и Бодянского очевидно. **Оба они начинали собиранием и изучением украинского фольклора; оба разделяли представление о русском языке** как общем достоянии славянской культуры. Создателю «Тараса Бульбы» были близки представления Бодянского об историзме украинских народных песен, его взгляд на украинскую историю как на «огромную эпопею»²⁶ (в том и другом вопросе Бодянский прямо опирался на Гоголя²⁷). Однако было и то, что их принципиально разделяло.

Уже в самой первой публикации Бодянского – кандидатском сочинении «О мнениях касательно происхождения Руси», защищенном в 1834 г. в Московском университете, – обнаруживается стремление юного «украинофила» отказать русским и украинцам в их общем происхождении. Не без юношеской самонадеянности автор заявлял, что «летопись нашего Нестора <...> не имеет совершенно канонической важности и принадлежит к категории грубых компиляций новейшего времени», – это «летопись, в которую Новгородец внес составленное им по политическим целям производство Руси от двух совсем различных и никогда не имевших ничего между собою общего народов...»²⁸

От подобных размышлений Бодянского (негативно оцененных не только Погодиным, но и земляком Бодянского Максимовичем²⁹) оставался лишь шаг до «туранской» теории Духинского. Отличие заключалось лишь в том, что не северных, но, напротив, южных «Руссов», то есть украинцев, Бодянский называл – хоть не «туранским», но «турецким племенем», – тогда как неких исконных славянских «Черноморских Руссов» считал бесследно растворившимися среди других народов³⁰.

Еще одним изложением пристрастных суждений, порожденных украинофильством молодого Бодянского, стало в 1837 г. его уже упомянутое магистерское сочинение «О народной поэзии Славянских племен». В новом труде он вновь выражал сомнение в достоверности летописи преподобного Нестора, настаивал на том, что «из всех Славянских Племен Северные и Южные Руссы – самые несходственные между собою»³¹. С очевидной неприязнью писал магистр Бодянский о присущих великороссам «преданности, доверии, послушании» своим Государям, негативно оценивал Переяславскую раду 1654 г. – будто бы насильственно заставившую «сынов Украйны <...> войти в систему Белого Царя». Непонятно на чем ос-

новываясь, Бодянский утверждал, что жизнь казаков, их «железная Славянская мощь» достигли тогда «высшей степени разгара» – и были «прерваны судьбой на пути величайшего своего расширения»³². – Сходные размышления Гоголь воплотил в 1834 г. в воображаемом внутреннем монологе самого изменника Мазепы – «преступного гетьмана», как его определял Гоголь в своей незавершенной «Истории Малороссии» (IX, 84).

Стремясь во что бы то ни стало доказать исключительность «козацкой» нации, Бодянский ни много ни мало утверждал, что славянское народное творчество является вершиной мирового фольклора, а украинские песни-думы, в свою очередь, «стоят выше песен всех прочих Славянских племен»³³. В противовес этому безудержному восхвалению «своего», пожалуй, уместно привести совершенно несхожее (хотя тоже не бесспорное) мнение об украинских песнях-думах другого ученого – известного историка Малороссии Д. Н. Бантыша-Каменского: «Запорожец играл на бандуре, припевая песни, но песни сии уподоблялись жестокому его нраву. Вместо любви и семейственного счастья он воспевал знаменитые убийства и разбои, предками его или им самим учиненные»³⁴.

В 1848 г. Бодянский оказался замешан в неприглядную историю с публикацией сочинения Джайлса Флэтчера «О Государстве Русском». Это сочинение английского посла в России в XVI в. содержало резко критические отзывы о Русской Церкви и русском царе. За эту публикацию Бодянский был наказан – временно, на год, удален из Московского университета. Как и в судьбе московских славянофилов, в этом наказании Бодянского, несомненно, сказалось завершившееся незадолго перед тем разоблачение деятельности Украина-Славянского общества. Но если в отношении Ф. В. Чижова, А. С. Хомякова, Ю. Ф. Самарина и И. С. Аксакова спровоцированные тогда гонения были действительно незаслуженными, то в отношении Бодянского этого, очевидно, сказать нельзя. Именно с Бодянским в 1851 г. Гоголь вступил в спор о поэзии Т. Г. Шевченко (также осужденного по делу «кирилло-мефодиевцев»). Писатель говорил Бодянскому, что уроженцам Южной Руси следует стремиться «к поддержке и упрочению одного, владычного языка <...> для русских, чехов, украинцев и сербов»³⁵. При этом он убеждал Бодянского, как когда-то Смирнову, что «русский и малоросс – это души близнецов, пополняющие одна другую». По свидетельству Г. П. Данилевского, присутствовавшего при этом разговоре, Бодянский, споря с Гоголем, «далеко не соглашался» с ним, горячился и возражал³⁶. Судя по содержанию исторических работ Бодянского, полемика с ним Гоголя была не случайной (как и возражения М. Максимовича на сочинения Бодянского). Учитывая их долгое «земляческое» общение, можно предположить, что такие же принципиальные столкновения бывали между ними и ранее. Примечательно ироническое замечание в «Мертвых душах» о некоем самонадеянном ученом, выдвигающем гадательные предположения о происхождении Руси и «разговаривающего с древними писателями запросто» (VI, 188). Возможно, именно поэтому – по причине гоголевской «непримиримости» к нелепым суждениям Бодянского – тот еще за год до спора о Шевченко называл Гоголя «человеком в высшей степени самолюбивым»³⁷.

Гоголю, несмотря на его глубокие славянофильские убеждения³⁸, отнюдь не было свойственно безоговорочное одобрение всего славянского. При неизменной любви к Отечеству, он был далек от идеализации как русской, так и украинской истории. Более того: какие-то явления вызывали его резкую, принципиальную критику. В наибольшей мере, как уже отмечалось, это относится к многочисленным княжеским распрям, «ссорам», часто расторгавшим русское и славянское единство. Уже сама эта неизменная направленность гоголевской мысли свидетельствует о том, что писателю были чужды как идеи украинского сепаратизма, так и соответствующие ему начала западного славянофильства. Критическим отзывом об украинских сепаратистах Гоголь и завершил свою полемику с Бодянским: «Они все еще дожевывают европейские, давно выкинутые жваки <...> Нет, Осип Максимович, не то нам нужно, не то <...> Доминантой для русских, чехов, украинцев и сербов должна быть единая Святыня – язык Пушкина <...> Всякий пишущий теперь должен думать не о розни; он должен прежде всего поставить себя перед лицом Того, Кто дал нам вечное человеческое слово...»³⁹

Примечания

- ¹ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1954. Т. 2. С. 333.
- ² Розанов И. Н. Н. М. Языков и Ф. В. Чижов. Переписка 1843–1845 гг. // Лит. наследство. Т. 19–21. М., 1935. С. 125.
- ³ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. (15 кн.) / Сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.; Киев, 2009. Т. 12. С. 354.
- ⁴ Граф Александр Петрович Толстой – друг Гоголя и постоянный собеседник по конфессиональным вопросам; впоследствии, в 1856–1862 годах, прокурор Святейшего Синода.
- ⁵ Французский публицист Адольф де Сиркур, приятель П. Я. Чаадаева.
- ⁶ Гоголь в дневниковых записях А. И. Тургенева // Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств: В 3 т. / Изд. подготовил И. А. Виноградов. М., 2013. Т. 3. С. 79.
- ⁷ Аристов Н. Я. Иноземное влияние в России, изображенное Гоголем в его сочинениях // Он же. Сочинения Н. В. Гоголя со стороны отечественной науки. СПб., 1887. С. 94; Ульянов Н. И. Происхождение украинского сепаратизма. М., 1996. (Репринт изд. 1966 г. Нью-Йорк; Мадрид). С. 151–155.
- ⁸ Б<артенев> П. И. Об Украино-славянском обществе. (Из бумаг Д. П. Голохвастова) // Русский Архив. 1892. № 7. С. 348. См. также: Кирило-Мефодіївське товариство: У 3 т. Київ, 1990. Т. 3. С. 311.
- ⁹ См.: Карамзин Н. М. История государства Российского. (Репринт изд. 1842–1844 гг.). В 12 т. (В 3 кн.). М., 1988. Т. 1. С. 18.
- ¹⁰ Б<артенев> П. И. Указ. соч. С. 349–350.
- ¹¹ Жуковская Т. Н. С. С. Уваров и Кирилло-Мефодиевское общество или кризис «официальной народности» // Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX веков: Сб. статей к 75-летию А. Н. Цамутали. СПб., 2006. С. 205.
- ¹² См.: Декабристы. М., 1988. С. 279; Серков А. И. Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедич. словарь. М., 2001. С. 506, 1016, 1132.

¹³ *Виноградов И. А.* Гоголь в Нежинской гимназии высших наук: Из истории образования в России. Науч. изд. М., 2015. С. 94.

¹⁴ Подробнее см.: *Виноградов И. А.* Комментарий // *Гоголь Н. В.* Тарас Бульба. Автографы, прижизненные изд. Историко-лит. и текстологич. комментарий. М., 2009. С. 447.

¹⁵ По наблюдениям исследователей, на сближение с А. Мицкевичем, Б. Залесским, И. Кайсевичем и П. Семеновым Гоголь шел главным образом для изучения новых знакомых. Польские эмигранты интересовали его отчасти потому, что проповедуемые ими идеи польского мессианизма, возрождения «рыцарской» Польши, внешним образом напоминали собственные устремления Гоголя к духовному преображению России, его веру в то, что всякий русский человек способен «вдруг» «поступить в рыцарство» (XII, 303). Эти устремления и определили, с одной стороны, пафос «Мертвых душ» (в его критическом и утверждающем началах), с другой – обусловили создание «Тараса Бульбы» – как произведения о запорожских «рыцарях» (см.: *Марковский М.* История возникновения и создания «Мертвых Душ». Киев, 1902. С. 56–57; *Десницкий В. А.* «Мертвые души» Гоголя как поэма дворянского возрождения // Он же. На литературные темы. М.; Л., 1933. С. 224, 231, 220).

¹⁶ «Уверение Залеского, будто Гоголь питал отвращение к великоруссам, мы безусловно отвергаем». – *Лященко А. И.* Украинофильство Гоголя. (Свидетельство Богдана Залеского) // Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 2. С. 20.

¹⁷ *Лященко А. И.* Указ. соч. С. 19–20.

¹⁸ Документы об увольнении Гоголя из Санкт-Петербургского университета // Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 1. С. 798.

¹⁹ См.: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. Т. 17. С. 7–432.

²⁰ *Аристова Л. Ю.* О. М. Бодянский, Н. В. Гоголь и становление идеи «славянского единства» в России // *Славянский альманах* 2009. М., 2010. С. 154.

²¹ Имеются в виду строки «Предисловия» к «Малороссийским песням, изданным М. Максимовичем» (М., 1827): «Русские песни отличаются глубокою унылостью, отчаянным забвением, каким-то раздольем и плавною протяженностью» (С. XIII–XIV). В одном из «Четырех писем к разным лицам по поводу “Мертвых душ”» (1846) Гоголь писал: «Я до сих пор не могу выносить тех заунывных, раздрающих звуков нашей песни, которая стремится по всем беспредельным русским пространствам» (VIII, 289).

²² *Карамзин Н. М.* О древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях / Подгот. текста и коммент. А. Ю. Сергеева // *Лит. учеба*. 1988. № 4. С. 98.

²³ См.: *Виноградов И. А.* Н. В. Гоголь как славянофил: Славянская тема в наследии писателя // *Евангельский текст в русской литературе XVIII–XXI веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сб. науч. трудов. Вып. 9.* Петрозаводск, 2014. С. 199–219; *Виноградов И. А.* История в наследии Гоголя // *Гоголеведческие штудии.* Вып. 5 (22). Ніжин, 2015. С. 19–71.

²⁴ *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. Т. 12. С. 467.

²⁵ Подробнее см.: *Виноградов И. А.* Москва и Рим в творчестве Гоголя // *Москва в русской и мировой литературе.* М., 2000. С. 117–155; *Виноградов И. А.* Гоголь и славянство (К проблеме языкового единства славян) // *Язык классической литературы.* М., 2007. Т. 1. С. 5–24; *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. Т. 5. С. 651.

²⁶ Бодянский И. Рассмотрение различных мнений о древнем языке Северных и Южных Руссов // Уч. записки Императорского Московского ун-та. 1835. Сентябрь. № III. С. 482.

²⁷ См.: О народной поэзии Славянских племен. Рассуждение на степень Магистра Философского Факультета первого Отделения, Кандидата Московского ун-та, Иосифа Бодянского. М., 1837. С. 14, 137, 18.

²⁸ Бодянский И. О мнениях касательно происхождения Руси // Сын Отечества и Северный Архив. 1835. № 38 (ценз. разрешение 20 сент.). С. 131; № 39 (ценз. разрешение 27 сент.). С. 192.

²⁹ См.: Максимович М. А. Откуда идет Русская земля, по сказанию Несторовой повести и по другим писаниям русским <1837> // Он же. Собр. соч.: В 3 т. Киев, 1876. Т. 1. С. 40–45, 91–92; Он же. История древней русской словесности <1839> // Он же. Собр. соч. Киев, 1880. Т. 3. С. 361–362.

³⁰ См.: Бодянский И. О мнениях касательно происхождения Руси. С. 199.

³¹ О народной поэзии Славянских племен. Рассуждение... Иосифа Бодянского. С. 122.

³² Там же. С. 131–133.

³³ Там же. С. 135.

³⁴ <Бантыш-Каменский Д. Н.> История Малой России со времен присоединения оной к Российскому Государству при Царе Алексее Михайловиче, с кратким обозрением первобытного состояния сего края. М., 1822. Ч. 2. С. 10–11; глава «О Запорожцах и их Сече». (Переиздано в 1830 г.).

³⁵ Данилевский Г. П. Знакомство с Гоголем // Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 1. С. 303.

³⁶ Там же. С. 303.

³⁷ Гоголь в дневниковых записях О. М. Бодянского 1849–1851 гг. // Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 3. С. 227.

³⁸ Виноградов И. А. Гоголь о единстве славян // Гоголь и традиционная славянская культура. Двенадцатые Гоголевские чтения: Сб. статей. М.; Новосибирск, 2012. С. 20–27.

³⁹ Данилевский Г. П. Знакомство с Гоголем. С. 303.